

М. ЩЕРБАТОВ

Замечания Щербатова на Большой Наказ Екатерины

<Фрагмент>

<...>

5. Примечание*. Что касается до нравственных законов, то сии, кажется, должны быть повсюду одинаковы; ибо естество везде равно вопиет: «не делай другому, чего себе не хочешь». Господин Монтескиу в книге своей «О разуме законов», книга XVIII, глава 8, говорит: «Законы имеют великое сношение с тем, каким образом народы себе пищу приобретают». Но на сем и сокращает здесь расположение законов к расположению народа. Подлинно же есть, что выключая нравственные правила, которые, как выше сказано, должны быть везде одинаковы, прочие законы должны разнствовать по нравам, климатам, упражнениям и по состоянию страны. Например суровой народ милосердые законы не сдержут; те учреждения, которые в жарких местах необходимо нужны, лишь затруднительны в холодных будут; вольность и побуждение к искусствам и самое желание корысти пристойны для торгового народа, а слова и побуждение к чести военному при-

---

* В § 5 Наказа говорится о том, что «законы весьма сходственные с естеством суть те, которых особенное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которого они учреждены». Первые три главы екатерининского Наказа и посвящены доказательству того, что в России «пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит...». «Всякое другое правление, — пишет Екатерина, — не только было бы России вредно, но в конец разорительно». Щербатов пишет, что «суровой народ — сиречь русские крестьяне — милосердые законы не сдержут».

надлежит, искоренение сластолюбия и роскоши полезно бедным государствам, а богатые без роскоши обнищают.

6. Примечание *. Не можно всю Россию европейскою державою назвать, ибо многие ее области в границах Азии вмещены, как например Астраханская и Оренбургская губернии и вся Сибирь.

7. Примечание. Сия есть мысль господина Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 14 **. Но сохраняя все почтение к сему знаменитому писателю, кажется можно со справедливостию противуречить сей его мысли, и как мы известнее чужестранного о древних наших обычаях, то можем сказать, что, они сходственней новых с нашим климатом были; ибо долгие и теплые одиянии, малые в комнатах окошки, простая и суровая пища более соответствовали холодному нашему климату, нежели обычаи, перенятые у полуденнейших народов. Правда многие древние обычаи были к нам принесены либо от покоренных Россиею народов, либо от покоривших ее; но какой есть народ на свете, который бы никогда ни от кого ничего не взаимодействовал? Греки многое переняли от египтян, римляне от греков, галлы обычаи свои и язык с римским и с германским смешали, и самые китайцы, толь строгие наблюдатели древних обычаев, естли проникнуть в их древность, конечно, что ни есть от других народов взаимодействовали; ибо подобно как приватной человек не чувствительно склоняет

---

* Глава 1, § 6: «Россия есть европейская держава».

** Книга XIX соч. Монтескье озаглавлена: «О законах в отношении к основным началам, составляющим общий дух, нравы и обычаи народов». В главе 14 этой книги речь идет о том, «какими естественными средствами можно переменить нравы и обычаи народа». Монтескье утверждает, что нравы и обычаи страны нельзя изменять законами, а можно переменить обычаями. Для иллюстрации этой мысли он приводит в пример преобразования древнерусских нравов и обычаев Петром I. В обязательном брадобритии и ношении немецкого платья он видит грубое нарушение законами Петра нравов и обычаев русского народа, а в устройстве ассамблей и привлечении на них женщин — замену одних нравов и обычаев другими. Далее Монтескье считает, что петровское преобразование России было облегчено тем обстоятельством, что «тогдашние обычаи ее [России] были не свойственны климату и занесены в нее смешением народов и прежними завоеваниями. Петр I, вводя европейские нравы и обычаи в державу Европейскую, не мог встретить дальних к тому препятствий. Власть климата есть первейшая в мире власть» («Дух законов», перев. Е. Карнеева, Спб., 1839 г., ч. II., стр. 160—161). Эта мысль (буквально) и положена Екатериной в основу § 7 Наказа, доказывающего, что «Россия есть европейская держава».

своей обычей ко обычею тех, с кем обращается, так целые народы наконец сходятствуют с теми, с коими более общества имеют.

Что же спомоществовало Петру великому в толь краткое время, толь великие перемены зделать? Вера, род правления и усердие благородных.

Закон христианской не противен просвещению человеческого — Петр великий его нашел крепко вкоренившимся в сердце народа; но затемненной многими суевериями, от властолюбия духовного чину происходящими, ибо самой сей духовный чин не довольно был просвещен, чтобы составить предприятия, народ в суеверие ввести и тем бы власть гражданскую захватить. Следственно все, что к переменам обычаев и введению просвещения Петр великий не делал, не могло почестся наступлением на закон, и народ не мог под видом защищения веры противоборствовать монаршей власти, но паче повинуюся оной мнил самому закону повиноваться. Доказательство сему следующее, что Петр великий в предубежденных расколом¹ людях не мог никакой перемены ни в обычаях их учинить, ни просвещения им преподать. Я повторяю, что христианской закон не противен просвещению человеческому, потому что как он на истинне основан, то изыскание всякой истинны ему полезно, ибо могут ли магометанцы осмеливаться изыскивать о системе света и существе небесных тел, когда принятые от них за освещенные преложении уверяют, что земля стоит на бычачьем рогу и что архангел Гавриил, снисходя к Магомету, крылом своим часть луны отшиб? Могли ли древние греки совершенное понятие о телах небесных иметь или чинить о них изыскание, когда солнце богом, а луну богиней почитали?

Самодержавная и неограниченная власть российских государей, истреблением самых мятежников утвержденная, не оставляла никого, кто бы новым заведениям противиться дерзнул.

Возыдем в пример военные установления. Им прежде учрежденные стрельцы² противиться могли; но оные уже прежде были истреблены или толь ослаблены, что покушение их лишь скорейшую на них погибель навлекло.

Истребление сего воинства подает нам случай и о том упомянуть, что к истреблению их способствовало и как лишению стольких граждан никто не сопротивлялся. Начальное учреждение сих войск были опричники³, которые царь Иоанн Васильевич учредил и употреблял ко исполнению всех своих суровостей, толь ненавидимое начало учинило, что никто из благородных в оном служить

не хотел, так что сие сочиняло две стороны: сторона благородных, служащих с своих поместей и презирающих стрельцов, и сторона стрелецкая, ненавидящая за сие дворян; отчего, когда стрельцы своими преступлениями учинились достойны казни, тогда благородные ко истреблению сего им ненавидимого воинства всеми силами способствовали.

А тогда же, имея еще в свежей памяти опустошений России от поляков и шведов, для пользы отечества согласились оставить свое право поместной службе, дабы в порядочно учрежденные полки вступить⁴. Вот какие обстоятельства спомоществовали предприятиям Петра великого, которые все основывались на политических притчинах, а не от действия климата произошли.

9. Примечание*. Чтобы великое государство требовало необходимо самодержавной власти, сие есть проблема, еще принадлежащая к решению. Более же о сем в примечании на следующую статью.

10. Примечание. Мысль сия взята из книги господина Монтескиу «О разуме законов», книга VIII, глава 19**. Не могу я согласиться в справедливости сего мнения. Правда, ежели мы себе представим государя трудолюбивого и презирающего свои удовольствия для пользы подданных, которого бы все указы и повеления основаны на совершенной мудрости и правосудии были, то-б конечно самодержавие такого могло означенные в сей мысли пользы принести; но таково бы самовластие приятнее было, нежели самая республиканская вольность. Но редко бывают таковые государи, а паче где не достоинство, но единое право рождения воздвиг их на престол, и для того, когда такой государь не по уста[но]вленным законам, но по своим своенравиям управляет, сие именуется деспотичество, что малое разделение с гнусным тиранством имеет. Не произведет оно и того, чтоб скорость в реше-

---

* §9 Наказа: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно со пространством толь великого государства».

** Книга VIII озаглавлена: «О повреждении основных начал трех правлений». В главе 19 этой книги речь идет об «отличительных принадлежностях деспотического правления». «Великая дер-жава, — говорит Монтескье, — сама по себе предполагает деспотическую власть в том лице, которое ею управляет. Надобно, чтобы быстрота решительных мер возмещала расстояние тех мест, к которым они относятся» (ч. I, стр. 220). Эту мысль, почти буквально, Екатерина II положила в основу § 10 Наказа, при чем слова «деспотическую власть» она заменила выражением «самодержавную власть».

ниях была; ибо любовная страсть, охота и другие забавы, отнимая у него время, и более еще республиканского замедления приключат, да когда и решение его воспоследует, можно ль надеяться, чтоб оно было сходственно с истинными пользами государства и чтоб его здравый разум, а не страсть какая произвела; ибо человек, не дающий никому отчету в своих делах, легко ввергается в страсти и слушает не тех, кто его противоречивым на истинной путь наставляет, но тех, кто безчестной лестью вкрался к нему в любовь. Такоговаго поступку и вредных его следствий Раваоам⁵ пример нам представляет.

В республиках, напротив того, хотя, кажется, в разсуждениях время и пропадает, но в самом деле правители, не смея предпочесть веселий их должности, награждают то неусыпными трудами, что в разсуждениях теряют, а хотя бы какая и мешкотность воспоследовала, и сия не довольно ли награждается тем, что не страстные, но мудрые и сходственные с обстоятельством дел, решений предприятий последуют. Римская республика пример нам ясный представляет. Она, не взирая на свое пространство, не токмо правила отдаленными странами, содержала в тишине и спокойстве вновь покоренные народы, но еще ежедневно и области свои расширяла. Учинилися императоры в Риме; пока и при них сенат остатки власти своей сохранял, Римская империя страшна была вселенной; но с падением власти сенацкой, т. е. тогда, когда власть императоров неограничена стала и вместо мудрых советов советам льстецов стали последовать, сия сильная империя слабыми народами разрушена стала.

11. Примечание. Зри примечание на статью 10.

12. Примечание *. Где властвует один, хотя бы то было и в таком государстве, в коем власть манаршая была законами стеснена, и тут часто государи позволяют себе нарушение законам кои наипаче в тех местах, в которых единая воля государская законом служит и где он отчету в своих поступках никому не отдает; тогда можно сказать, хотя он и один, но переменными своими своенравиями толико умножается, что никто не может уверить, чтобы через час он в одинаких мыслях был. Там законы токмо имя носят, но вся сила правления в едином изволении часто несправедливом и переменчивом манаршем состоит. Подданные,

---

* В § 12 Наказа говорится о том, что «лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим».

видя законы бессильны, не от них своего благополучия ожидают, но взгляд государственной решит о их щастии и нещастии. Напротив того, в республиканском правлении хотя многие правители суть, но сами оные, быв должны отчет в поступке своем давать, принуждены оной направлять по разуму установленных законов, отчего и происходит, что при сих множестве правителей, однако не им, но единому закону повинуются.

13. Примечание *. Не может быть другого предмету кроме сего ни в каком правлении; ибо, говорит Руссо⁶: понеже великие правители первоначально были избраны народами для утверждения их благополучия, то во учинении с сими избранными правителями договора между уступленных прав народ не мог свою естественную вольность уступить, яко вещь такую, без которой его благополучие никак соделаться не может; а если бы, последует сей писатель, и нашелся такой неосторожной народ, которой бы свою естественную вольность уступил, то должно его почитать яко безумного, от которого никакой договор силы не имеет. Но должно здесь рассмотреть, соответствует ли самодержавная власть такому первенствующему договору. И сие мне кажется сумнению подвергнуто, ибо можно ли тут надеяться на сохранение естественной вольности, где власть законодательная и исполнительная в единой особе сообщена, которая, не быв подвергнута никаким законам, по своим изволениям, часто от своенравей и страстей происходящим, пременяет правы и законы и содержит подданных в таком состоянии, что они ни один час не могут быть уверены не токмо в сохранении своих имений, но и самой жизни?

14. Примечание **. По вышепредложенным примечаниям видно, которое — республиканское или монаршическое — правление к концу сему достигает.

---

* § 13: «какий предлог самодержавного правления? — спрашивает Екатерина. — Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большого ото всех добра».

** В § 14 говорится о том, что правление, обеспечивающее гражданам общее добро и меньше других стесняющее естественную вольность, «есть то, которое наилучше сходствует с намерениями, в разумных тварях предполагаемыми, и соответствует концу, на которой в учреждении гражданских обществ взирают неотступно».

15. Примечание *. Таковые главности господин Монтескиу в книге «О разуме законов», книга V, глава 9, предполагает монаршическому, а не самодержавному правлению; однако и в сем случае кажется, что слава более действует над республиканцами, нежели над теми, которые под монаршическим правлением живут. Из самых древних обыкновений видим, что из дерну сложенной или дубовой венец больше римлян к подвигам за отечество побуждал, нежели великие, корыстные награждения в монархии то могли учинить; а в Венеции и ныне за государственные чины жалования не получают. И в самом деле, кажится, что в републиках слава должна более граждан побуждать, ибо вся честь и слава, упавая на общество републиканское, каждой особо себя участником оные считает. Господин Монтескиу и сам является, признал сию истину, ибо к чести, которую он за главность сего правления полагает, прилагает многие вещи, клонящиеся к обогащению и усилению благородных, яко тех, кои могут сие правительство подкрепить. Но чтоб единая слава в сем правительстве действовала, а паче в самодержавном, сие мне кажется совсем невозможно, ибо может ли человек охотно пожертвовать себя за то, в пользе чего он участия себе никакого не ожидает, и может ли иногда и не зная своего государя, чтобы ему единому славу приобрести, жизнь свою к опасности подвергать? Заключим, что в монаршическом правлении надежда «награжденей и любочестие побуждает людей к службе, а в самодержавной единой страх».

16. Примечание **. В примечании на 15 статью сказано: которое правление сохраняет естественную вольность человеку, которая, повторяю, конечно, под единоначальством не может сохраниться. Да и в самой сей статье сказано, что сей разум вольности то же может произвести, как и самая вольность. Следственно

---

* § 15. «Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и государя». Книга у Монтескье озаглавлена: «О том, что законы, издаваемые законодателем, должны соответствовать основному началу правления». Глава 9 озаглавлена: «Каким образом законы относятся к основному началу в монархиях». Основным же началом монархического правления Монтескье считает честь. А так как дворянство «почитает честь дочерью и матерью своею», то законы и должны защищать имущественно-правовые интересы благородного дворянства.

** § 16. «Но от сея славы происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который в державах сих может произвести столько же великих дел и столько споспешествовать благополучию подданных, как и сама вольность».

сей разум не есть вольность и потому он по крайней мере маска вольности, и может статься, что люди, прельщенные сей маскою, сначала подумая, что они вольны и будут все то делать, что дух вольности вселяет; но как никакая прелесть долго пребывать не может, вскоре узря, что они лишь тщетной вид имели, в вящее порабощение впадут.

18. Примечание. Монтескиу, книга 11, глава 4 *. Но он прилагает: «сиречь того где один правит по основательным законам» **. Отложение же сего слова оказывает желание к неограниченной деспотической власти, а где есть деспотичество, тут не могут быть законы тверды, ни власти средние, подчиненные, более взирающие на изволение деспота, нежели на законы, быть верные хранители оным.

19. Примечание ***. Монтескиу, тут же. Но все сие сей писатель предполагает в монархии, где государь обязан править по основательным законам государства, и тогда, давая иль утверждая с согласия правительств сделанные законы, есть действительно источник всякие государственные и гражданские власти; но и сам обязан становится повиноваться им установленному закону. Но сие не в таких державах, где государь себя почитает быть превыше закону. Тут правда, что вся власть от него единого истекает, но не всегда она растворена на сем правосудии, коего ради первоначально народы вольность свою уступили. И тако часто она клонится к нарушению первенственного сего договора.

---

* § 18. «Власти средние, подчиненные и зависящие от верховной, составляют существо правления». Взято Екатериной из II книги «Духа законов», озаглавленной: «О республиканском правлении и в особенности об отношении законов к демократии». В главе 4 этой книги говорится «об отношении законов к натуре монархического правления». Важно заметить, что Екатерина обрывает Монтескье в том месте, где идет речь о необходимости «коренных» или, как говорит Щербатов, «фундаментальных законов» в монархическом правлении. В примечании Щербатов и приводит окончание фразы Монтескье.

** Подчеркнуто в оригинале.

*** § 19. «Сказано мною: власти средние, подчиненные и зависящие от верховной в самой вещи государя есть источник всякие государственные и гражданские власти». Тоже взято из Монтескье, глава 4; но, как и большинство приводимых Екатериной текстов автора «Духа законов», мысль эта искажена императрицей в угоду оправдания неограниченной власти монарха, между тем как Монтескье власть государя ставит в зависимость от дворянства и «коренных законов», охраняющих интересы последнего.

20. Примечание *. Слова господина Монтескиу, книга II, глава 4, «О разуме законов». В самом деле, не может государь всех дел судить, ибо коликое бы он прилежание ни имел, но за множеством их не мог всем своим подданным правосудие учинить. Приложим к сему убыток и беспокойство, каковое бы, сии претерпели, естли бы ради всяких своих дел принуждены были из отдаленных мест на суд пред государя приежжать. Сего ради правительствы подчиненные суть необходимо нужны, дабы по разным делам и местам скорейшей суд и расправу народу делать. Остается токмо в сем случае государю: 1) стараться колико возможно ясными и справедливыми законами оные снабдить, 2) избирать для посажения в оные людей честных и просвещенных и 3) наблюдать за самыми оными, чтобы оне во зло власть свою не употребили. Ибо в самом деле, колико бы государь мудр и милосерд ни был, но не может он своею особой ни сотою части зделать добра, колико подчиненные судии зла произведут.

21. Примечание **. Премудрости и великодушнее Петра великого ни в чем столько не видны, как в том, что генеральным своим регламентом ⁷ позволил сенату противу его указов предложений делать, и в его время князь Яков Феодорович Долгоруков ⁸ часто брал смелость воли монаршей спорить. И хотя то же правило и ныне царствующей государыней не токмо для сената, но и для всех коллегей подтверждено и разпространено, но со времен Петра великого не видно, чтоб сенат когда на именные указы представление делал. Отчего же сие происходит? Оттого ли, что государи в ошибки не впадают? Сие невозможно, ибо, быв люди, есть подвержены к слабостям человеческим. Или оттого, что сенаторы или не видят пороков или, и видя их, не смеют противуречить? В сем обоим состоит вина государская, зачем в первое правительство государства определять непросвещенных или нетвердых людей.

В самом же деле мне кажется, что государи, оставляя пребывать сей закон, не желают видеть исполнение по нем и вслед-

---

* § 20. «Законы, основание державы составляющие, предполагают малые протоки, сиречь правительства, чрез которые изливается власть государева». Взято из Монтескье. См. сноску к § 18.

** В § 21 Наказа речь идет о роли «средних правительств» в государственном управлении. По мнению Екатерины, задача их состоит в том, что они указывают монарху, что «такой-то указ противен уложению, что он вреден, темен, что нельзя по оному исполнить, и определяющие наперед, каким указом должно повиноваться и как по оным надлежит чинить исполнение...»

ствие сего таких и людей в сенат сажает, бояся, чтобы твердые своими представлениями не нарушили их власть, что они бунтом почитают, хотя бы в самом деле сие было сохранения пользы государства и умножения славы монарха, а неисполнение сего обеим сим неизбежной вред приключает.

23. Примечание *. Сии суть слова господина Монтескиу в книге «О разуме законов», книга II, глава 4. Но сей именитый писатель сие говорит о таком правительстве, где единой управляет по основательным законам, а не о таком, где самовластие его пределов не имеет, о коем правительстве самый же сей писатель и в сей же главе тако изъясняется: «В государствах деспотических (самовластных), где нет основательных законов, тут нет и хранилища законов». И в самом деле, какие тут законы правительство может сохранить, когда оне есть так же непостоянны, как мысли и своенравие ее правителя? Однако ни в наказе, ни в обряде уложенной комиссии⁹ нигде не сказано, чтобы основательные законы государства сделать; что бы однако, казалось, должноствовало быть началом всего учреждения; следственно и Наказ сей к деспотическому правлению ведет.

24. Примечание **. Сии правительства, принимая законы от государя, рассматривают оные прилежно и имеют право представлять, когда в них сыщут, что они противны уложению и прочая, как выше сего в главе III, в 21 статье сказано. Примечание. Зри примечание на 23 статью.

26. Примечание ***. Наименование сената, яко представляющее нам воображение о римском того же имени правительстве, подает нам о нем мысль важнее, нежели он есть; но в самом деле, не имея власти законодательной, а исполнительную весьма стесненную мало силы имеет, ибо во всяких делах немного сумнительных подает доклады к государю, а государь, не посоветовав с корпусом сената, но по одним словам генерал-прокурора дает свои раболепно принимаемые сенатом решения. Следственно, когда ни имеет власти истолковать закон, ни предложение на именной указ сделать, то тщетно имя хранилища закона ему

---

* В § 22 и 23 говорится о необходимости иметь «хранилище законов» и его задач. «Сие хранилище инде не может быть нигде, как в государственных правительствах, которые народу извещают вновь зделанные и возобновляют забвению преданные законы». Взято из Монтескье.

** § 24 Щербатов полностью цитирует из Наказа.

*** § 26. «В России сенат есть хранилище законов».

давать, которого он токмо маску носит, как то обыкновенно во всех деспотических правительствах бывает, что судии не суть хранители законов, но исполнители воли деспота.

27. Примечание *. Выше уже примечено, что дух деспотической власти производит то, что сенат никогда не дерзает власть сию в действие производить, а как деспотическая власть не тем одним вредна, что государь по своим прихотям, а не по законам поступает, но и тем, что в таком правлении и протчие все правители над подчиненными своими то ж деспотичество исполнять желают, отчего происходит, что хотя в России коллегии и имеют власть представлять сенату, но строясь от него наказания, никогда не осмеливаются то сделать; следственно и сие право, нужное к сохранению законов, без действия остается.

28. Примечание **. Объяснение сие о хранилище законов является предполагать, яко бы был какой закон, установленной для сохранения других законов и порядка правосудия, каков действительно и есть генеральный регламент, обнародованный Петром великим; но как никакой закон не может для сего довольно силен быть, естли не подкреплен действующим правительством, того ради и здесь в статье 26 сие и сказано о сенате; следственно сия статья с выше означенной противуречие имеет; ибо в той хранилищем законов названо правительство, а здесь закон.

29. Примечание ***. Означенные действия в сей статье принадлежат к законам, а не к тем установлениям, которые названы здесь хранилищем законов, которые токмо порядок суда и права судебных мест и судей учреждают.

30. Примечание ****. Не обрядом или регламентом оправдываются осуждения, но всеобщими законами.

---

* § 27. «Другие правительства долженствуют и могут представляти с тою же силою сенату и самому государю, как выше упомянуто».

** § 28. «Однако ежели кто спросит, что есть хранилище законов? — на сие отвечаю: законов хранилище есть особое наставление, которому последую вышеозначенные места, учрежденные для того, чтобы попечением их наблюдаема была воля государева сходственно с законами, во основание положенными, и с государственным установлением, обязаны поступать в отправлении своего звания по предписанному тамо порядка образу».

*** § 29. «Сии наставления возбранят народу презирать указы государевы, не опасаясь за то никакого наказания, но купно и охранять его от желаний самопроизвольных и от непреклонных прихотей».

**** § 30. «Ибо, с одной стороны, сими наставлениями оправдываются осуждения на преступающих законы уготованные, а «с другой стороны, ими же

32. Примечание *. Слова господина Монтескиу «О разуме законов», книга XXI, глава 20. Хотя означенной писатель слова сии к другой притчине прилагает, но так же оне суть приличны и к сей, а можно сказать, что разум их в себе вмещает всю важность и всю пользу, каковую мы от нравственных правил получили: то есть что человек не может быть твердо щастлив, естли щастие его не сопряжно и с общим благополучием. Но как таковое правило не всякому внимательно, то устанавливаемые на преступников законом наказания удерживают его страсти и, так можно сказать, неволею его к благополучию его ведут.

34. Примечание **. Ничего справедливее нет сего положения, что касается до сохранения чести и имени гражданина; но что касается до наказаней надлежит в сем различие зделать. Например взятие под стражу, телесное наказание и подобные сокрушают благородного, но подлый сего не страшится. Недавно бывшей пример сие больше доказует: Пушкины, быв изобличены в потделании фальшивых ассигнаций¹⁰, меньше страшились смерти, нежели телесного наказания, и когда к лишению дворянства были осуждены, тогда стенание их идучи на эшафот доказывало, колико чувствительно было сие наказание; но в самое время сего печального позорища многие подлецы дивилися малого наказания, почитая сие ни за что. Следственно то, что поражало сих преступников благородных и наказанием бы не было для подлых людей. Следующая статья является сие подобным образом изъяснять.

утверждается быти правильным отрицание то, чтобы вместити противные государственному благочинию законы в число прочих уже принятых, или чтоб поступать по оным в отправлении правосудия и общих всего народа дел».

* § 32. «Великое благополучие для человека быть в таких обстоятельствах, что когда страсти его вперяют в него мысли быть злым, он однако считает, себе за полезнее не быть злым». Книга XXI озаглавлена: «О законах в отношении к торговле...», глава 20-я этой книги заканчивается словами: «Счастливы люди, когда находятся в таком положении, что в то время, как страсти заставляют их быть злыми, они находят свою выгоду в том, чтобы быть добрыми» (ч. II, стр. 173—174).

** § 34. «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам».

35. Примечание *. Следственно сие и касается токмо для раздавательного правосудия, а не до наказания.

38. Примечание **. Законы не обуздывают вольность человеческую в добре, но токмо в таких вещах, которые клонятся к разрушению общества; например, естли бы каждой имел право оружием обиду свою отмщать, то бы безпрестанно друг против друга вооружались, во всегдашней недоверенности жили и наконец бы общество к разрушению довели.

39. Примечание ***. Сии суть слова господина Монтескиу «О разуме законов», книга XI, глава 6. Надлежит к сему прибавить, чтобы подданной и от монаршей власти несправедливости не претерпел; ибо тщетно будет наслаждаться безопасностью от ровных себе, когда кто могущей всех и может сию его безопасность нарушить. И таковы суть мнения господина Монтескиу. «Когда, — говорит он, — в единой особе или в едином корпусе судей законодательная власть со исполнительной соединена, тут нету вольности, ибо можно опасаться, чтоб тот же монарх иль тот же сенат не сделал мучительских законов, дабы их мучительски исполнять и протчее. И потом таковые могут общим своим изволением опустошать государство; и яко имеющая власть судить, могут истребить каждого гражданина особливými своими изволениями».

---

* § 35. «Сие равенство требует хорошаго установления, которое воспрещало бы богатым удручать меньшее их стяжание имеющих и обращать себе в собственную пользу чины и звания, порученные им только как правительствующим особам государства».

** В § 33 речь идет о вольности, которая, по утверждению Екатерины, «есть право все то делать, что законы дозволяют», и не делать того, что «законами запрещено».

*** § 39. «Государственная вольность во гражданине есть спокойство духа, происходящее от мнения, что всяк из них собственною наслаждаться безопасностью и, чтоб люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтоб один гражданин не мог бояться другаго, а боялися бы все одних законов». Этот параграф в основном взят из XI книги «Духа законов», озаглавленной «О законах, составляющих политическую свободу в отношении к конституции». Глава 6 «Об английской конституции». Приводим полностью выписку из Монтескье: «Политическая свобода гражданина есть спокойствие духа, происходящее от уверенности в своей безопасности, а чтоб приобрести сию свободу, правление должно быть так учреждено, чтобы один гражданин не боялся другаго гражданина» (ч. I, стр. 270–271). Из сравнения видно, насколько перевод и цитирование Екатериной Монтескье не соответствуют подлиннику. Об этом же говорит и Щербатов в своем примечании.

42. Примечание *. Разные ость степени нарушения должности: единые разрушающие спокойство граждан должны законными наказаниями истребляться; другие же причиняющие соблазн и повреждения нравов чрез презрение предупредиться должны. О сих сочинитель «Системы натуры»¹¹, стр. 162, тако говорит: «Дабы человек был добродетельной, надлежит, чтоб он находил себе пользу последовать добродетели. Надлежало бы для сево, чтобы воспитание дало ему справедливые воображения, чтоб всеобщее мнение и пример показал [и] ему добродетель, яко единую притчину, достойнейшею почтения, чтоб правление ее верно награждало, чтоб слава существовала всегда с нею, чтоб пороки всегда в презрении были и пр.» Из чего следует, что хотя не все пороки должны быть преступлениями почитаемы, и яко таковые законами наказуемы, но все по мере важности их по крайней мере некоего презрения достойны. Таковой поступок в правительстве произведет добрые нравы и через самое сие и законы непоколебимы учинит.

(43) 44. Примечание **. Стрaдание сие будет бесплодно, естли основательные законы не утвердят безопасность государства; и пока власть законодательная и исполнительная в одной особе пребудет.

51. Примечание ***. Точные слова господина Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 4. Сие есть неоспоримо, что вера, климат, законы и обычаи господствуют над человеком. Из чего и следует, что те законы токмо будут не[по]колебимо исполняемы, где чистое веры нравоучение обуздает неприличные

---

* § 42. «Все действия, ничего такого в себе не заключающие, нимало не подлежат законам, которые не с иным намерением установлены, как только чтобы сделать самое большое спокойствие и пользу людям, под сими законами живущим».

** § 43. «Для нерушимого сохранения законов надлежало бы, чтоб они были так хороши и так наполнены всеми способами к достижению самого большого для людей блага ведущими, чтобы всяк несомненно был уверен, что он ради собственной своей пользы стараться должен сохранить нерушимыми сии законы».

§ 44. «И сие то есть самый высочайший степень совершенства, которого достигнуть стараться должно».

*** «Вся глава VI Наказа («О законах вообще») составлена Екатериной II из книги XIX Монтескье «О духе законов», в которой говорится «о законах в отношении к основным началам, составляющим общий дух, нравы и обычаи народов».

движения страстей, где наглым образом оне не будут насиловать расположение и нужды от климату происходящие, где оне, поправя нравы, учинят то, что преступление закону и без судебного наказания презрением сограждан наказано будет. Дикие народы, имея весьма мало нужд, без судебных обрядов и без писанных законов последуют токмо тому, чему природа их научает, и тщатся приобрести себе те выгоды или избегнуть от неудобностей, производимых климатом. Хотя из древних лет китайцы имели своих законодателей и мудрых философов, давших им законы и нравственные наставления, и китайцы толь самым испытанием изведав полезность оных, что чрез самое воспитание стараются юношам их в сердце вложить, отчего и происходит, что обычаи толь великую силу взяли, что они уже вместо законов сим мудрым народом управляют. Противное сему видно в Японии, где суровой и неснабженной наставлениями народ лишь тиранскими наказаниями в границах должности своей удержан может быть. Ликург¹², отняв все естественные удовольствия, на краткое время ввел такие законы, что жизнь народа его нравы могли устроивать; но вскоре узря вящие удовольствия, желание лучшего спокойства прервало нравами и законами поставленные оплоты, и народ со нравами и законы позабыл. В Риме хотя бедность и в почтении была, но не нравы составляли основание правительства, а установленные законы, подкрепляемы[e] примерами древних именитых мужей; но как беспрестанные несогласия между народа и сената к частым переменам законов * притчину подавало, а уже древние строгие нравы их не подкрепляя, то вскоре повреждение законов и нравов к падению республику привели.

55. Примечание **. Сие все взято из Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 9. Остается токмо приметить, что не все от климату, действие верности испанцев и неверности китайцев происходит, но кажется мне, что испанцы в древние времена весьма вольный и почти дикой [народ], не имея поврежденных нравов, через самое сие толикую верность показывал; но когда по разным переменам Испания почти под деспотическое правле-

---

* В рукописи «частным переменениям законом».

** В § 55 речь идет о разности характеров китайцев и испанцев, причиной чего — разность климатов. Весь параграф взят из Монтескье, книга XIX, глава 10 «О характере испанцев и китайцев» и частично из главы 9 «О суетности и гордости народов».

ние впала, ненадежность их в собственности своей и побуждает позволять чужестранным народам под именем своим в Америку торговать, куда самоличной торг всем чужестранным запрещен. Та же притчина деспотичества другое действие в Китае производит, ибо китайцы, не весьма приятно принимая чужестранцев и всякой желая по ненадежной своей жизни скорее пользоваться удовольствием богатства, за стыд себе не почитают всякие обманы употреблять. Таким образом неограниченная власть везде лишь вред и повреждение нравов производит.

56. Примечание Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 2*.

57. Примечание**. Монтескиу, тут же, книга XIX, глава 5. Сие есть толь неоспоримая истинна, что каждый мню собственным своим испытанием оною изведаль; и тако чувствами каждого особо человека, сложенные в общество, правило сие утверждают.

58. Примечание***. Не могут хорошие законы быть, естли оне не на нравах основаны и нравственными добродетелями не подкрепляются, что, кажется, и самая сия статья гласит. Но уже через 5 лет по издании сего наказа старались ли истребить пороки и ободрить добродетели? Поправились ли наши нравы? Не видно сего нимало. Но напротив кажется, что ежечасно мы в бездну пороков снисходим. Из чего единого и должно заключить, что означен[н]ая мысль в сей статье или не чистосердечна, или не имеют довольно твердости, чтобы ее в действо произвести; следственно и надежда о поправлении нашего состояния через мудрые законы есть весьма подвержена сумнению.

---

* Глава 2 книги XIX Монтескье озаглавлена: «Умы должны быть приготовлены ко введению лучших законов». В дальнейшем мы не делаем сносок на те пункты Наказа, в которых Щербатов указывает лишь источники заимствования Екатерины II из Монтескье, не делая своих примечаний.

** § 57. «Законоположение должно применять к народному умствованию. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно, и следуя природной нашей склонности». Взято из книги XIX, главы 5, озаглавленной «Как осторожно надлежит поступать, чтобы не переменить общего духа народа».

*** § 58. «Для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приуготовить. Но чтоб сие не служило отговоркою, что нельзя установить и самого полезнейшего дела, ибо если умы к тому еще не приуготовлены, так примите на себя труд приуготовить оные, и тем самым вы уже много сделаете».

59. Примечание *. Но дабы сии нравы и обычаи вогнездились в сердцах народа, надлежит, чтобы правительство неусыпным оком бдило награждать добродетели и укрощать пороки, ибо в самом деле путь добродетели есть жесток. Возьмем пример придворного, когда единой, любя отечество и государя, не отверзает уст своих на лесть, лжу и клевету, когда пред недостойными временщиками колена не приклоняет, когда последует единым зтезям добродетели, хочет служить, а не угождать, и лишенный защитников в бедности и в презрении оставлен пребывает; с другой страны, когда другой, жертвуя все своему честолюбию, не помышляя о добродетели и о должности гражданина, льстя своему государю, утверждает его пороки, соплетает ков на ближняго, пред временщиками раболепно трусит и, одним словом, коего все слова суть ложь, все мысли — злоба и дела — преступления, и таковой богатством, силою и честью одарен. То кто, зря сии примеры, осмелится быть добродетелен, ибо мало таких сыщется, которые бы были добродетели для ее самое со исключением своей пользы. Сие же можно положить и к другим состоянием людей. То как тут можно народу добродетельну быть, где пороки выгоды пред добродетелию имеют?

60. Примечание **. Слова господина Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 14. Пример сему мы ясной видим: запрещено вывозить *** богатые парчи указом, а обычай настоят их носить, из чего и происходит, что их тайно провозят и все, публично противуборствуя закону, носят. Тако всегда бывает закон презрен, когда он обычаями не подкрепен; но в воле монаршей состоит примером своим ввести и обычаи. Когда же что определить законам, а обычаем то не тшится утвердить, то сие доказует его неосторожность.

62. Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 8.

---

* § 59. «Законы суть особенные и точные установления законоположника, а нравы и обычаи суть установления всего вообще народа». Весь параграф взят из Монтескье, книга XIX, глава 14.

** § 60. «Итак, когда надобно сделать перемену в народе великую к великому онаго добру, надлежит законами то исправлять, что учреждено законами, и то переменять обычаями, что обычаями введено. Весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменить обычаями». Взято из Монтескье. См. сноску к § 7.

*** Употреблено Щербатовым в смысле «ввозить» из других стран.

63. Примечание *. Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 14. Весьма есть справедливо сие положение, ибо в самом деле, чего ради налагается наказание? Двух родов оные суть: иль оставляющие жизнь человеку и таковые, делая ему возмездие за его преступление, отвращают и его самого в подобное впадать и в пример другим служить; иль отнимающие самую жизнь у человека, и в таком случае государство хотя с сожалением лишается своего сына, но в том находит необходимую себе нужду, дабы погублением единого многих сохранить. Всегда же благоустроенное правительство, взирая на слабость человеческую, старается наказания уменьшить и токмо по самой необходимости их налагает. Следственно не слепое самовластие их должно производить, но самое начальное основание обществ, то есть чтоб предохранить безопасность каждого. И как люди свою вольность уступили для общей пользы, все то, что хотя блага обществу не приключает, но и не делает ему никакого вреда, под законы не подлежит, ибо при первенствующем основании обществ люди не могли уступить свою вольность, как токмо в том, что к разрушению вольности клониться может.

65. Примечание **. Разные есть роды нравственных наставлений: единые предписывают точно правила, которым должно последовать, и нарушение их виною или преступлением почитается; другие же, клонящийся к высочайшей добродетели, которые не всякой может исполнить, суть правила совета, и неисполнение их виною не почитается. Ибо как по слабости человеческой не всякой может до высочайшей добродетели достигнуть, то б законы, превосходящий меру, во благом делая предписании [в]место советов о таких делах, учинились бы притчиною великому злу, потому чтоб мало бы было людей, которые б могли их точно, исполнить.

67. Монтескиу «О разуме законов», книга. XXII, глава 22.

73. Примечание *** Монтескиу «О разуме законов», книга XII, глава 4. Положенное сим писателем правило, что наказания не

---

* § 63. «Словом сказать: всякое наказание, которое не по необходимости налагается, есть тиранское. Закон не происходит единственно от власти; вещи между добрыми и злыми средние по своему естеству не подлежат законам». Взято из Монтескье. См. сноску к § 7.

** § 65. «Законы, преходящие меру во благом, бывают притчиною, что рождается оттуда зло безмерное».

*** § 73. «Наказания, чинимые за оные (т. е. преступления против закона или веры, нравов, тишины и спокойствия, безопасности граждан), должны быть

должны производить от прихоти законоположника и что должны оные от свойства каждого преступления вывожены быть, хотя есть весьма справедливо, но могло бы подать притчину к следующему вопросу: неизчетное есть число преступлений и вин как в самом действии, так и в обстоятельствах их; то можно ли на все на оные сделать различные наказания, выводя из своего правила, чтоб по крайней мере единые весьма не ожесточить, а других не облегчить? Сего ради писатель показывает, что он в такую подробность входить не намерен и разделяет преступления на четыре рода.

75. Примечание *. Статья 74 взята из книги «О разуме законов» господина Монтескиу, книга XII, глава 4, но приложение 75 статьи, вводя гражданский наказания, изпровергает полезность положения 74 статьи; и в сем случае лучше бы всего последовать мысли господина Монтескиу, которая означенные слова в 74 статье тако объясняет: «В вещах, возмущающих спокойство или безопасность государства, скрытые дела принадлежат до человеческого правосудия. Но те, которые суть противу божества, тут, где нет общенародного действия, тут нет притчины гражданского преступления. И все сие тогда происходит между человека и бога, которой знает меру и время своих мщений. Естли же, смешивая вещи, судия так же будет изыскивать тайные святотатства, то распространит инквизицию на такой род деяней, где она не нужна, разрушит вольность граждан, вооружи противу их усердия робких и смелых душ. Зло сие произошло от сего воображения, что должно отмстить божество. Но должно почитать божество, а не мстить его никогда». И в самом деле, когда народы уступили свою вольность для безопасности своей, когда подвергали себя наказаниям, естли разрушат общее спокойство, тогда обещались ничего противу общества не делать и не предпринимать, а не

производимы из особенного каждому преступлению, роду свойства». Взято из книги XII «Духа законов», глава 4 «Свойство наказания и соразмерность их благоприятствуют свободе».

- * В § 74 Екатерина проводит ту мысль, что из числа преступлений против закона и веры гражданским наказаниям следует подвергать только те преступления, которые суть «прямые и явные святотатства». За остальные же (неправильное толкование закона, его непочитание и пр.), «где нет явного публичного действия» (Монтескье), следует подвергать преступников «... лишению всех выгод, законом нам даруемых, как-то изгнание из храмов, исключение из собрания верных и пр.». В § 75 (на который Щербатов делает примечание) Екатерина пишет: «Во обыкновенный же есть употребление и гражданских наказаний».

обещались и не могли того учинить, [чтобы] самую мысль свою невольну сделать.

79. Примечание *. Сии статьи 74, 75, 76, 77, 78 и 79 взяты из книги Монтескиу «О разуме законов», книга XII, глава 4.

83. Примечание **. Все сие сказано очень хорошо, но не одне законы суть потребны для вложения добрых нравов. В республике строгость главных правителей и законы против роскоши сие исполнить могут, а в монархии пример двора более силы может законов иметь. Карл I¹³, король английской, любил женский пол, и весь его двор наполнен волокитами был. Генрих IV¹⁴, король французской, был чистосердечен и имел щастие и в сане королевском иметь верных друзей. Можно заключить одним словом, что ни у какова народа законы к развращению общества и нравов не клонятся, но нигде они силы иметь не будут, естли сам государь пример добродетели не подаст; ибо в сем последнем случае самые злые в угодность государю добродетельны будут стараться учиниться. Но в таком государстве, где открытым неприятелям большим под видом порядка судебного меньшие в жертву придается, где знает государь о злых качествах его советников, прельстясь токмо некоторою их острою, довольствуйся их называть «нужное зло», не токмо доверенности своей от них не отнимают, но и предпочитают их тем, в честности тех кои сами уверены, — в таком государстве, говорю я, могут ли законы довольно быть сильны, чтобы против толь злого примера нравы поправить?

91. Примечание ***. Статьи 85 и следующие до сей (т. е. до 91) взяты из господина Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 12.

---

* § 79. В перечисленных параграфах речь идет о наказаниях за разные роды преступления, упомянутые нами в сноске к § 73.

** § 83. «В сих областях (т. е. в областях с «умеренным правлением») не столько потщатся заказывать преступления, как предупреждать оные; и приложить должно более старания к тому, чтоб вселить узаконениями добрые нравы в граждан, нежели привести дух их в уныние казнями».

*** § 91. Книга VI озаглавлена: «Следствия основных начал разных правлений в отношении к простоте гражданских и уголовных законов, к форме судопроизводства и к определению наказаний». §§ 85, 87, 88, 89, 90 и 91 взяты Екатериной из главы 12-й этой книги. В главе говорится «о силе наказаний».

92. Примечание *. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 13. Ничто толь ни доказует, колико воспитание детей должно сходствовать с умоначертанием правления? Воспитание детей у японцев есть весьма кротко, а правительство сурово. Что-ж из сего истекает? Японцы, в младенчестве не терпя никакого огорчения, когда в совершенной возраст войдут, то и малое, что толико их озлобляет, что естли не могут отмщения себе получить, то сами себя умерщвляют. Человек, в обществе живущей, не может избавить себя от некоиx огорчений, и следственно должен в младых летах запастись терпением. Я не говорю, чтобы должно было выгнать все чувствии из сердца человеческого, но не должно же его совсем нетерпеливым зделать; ибо всякая крайность худа, а умеренность есть предел премудрости.

<...>

---

* § 92. Речь идет о воспитании детей у японцев: там «с детьми поступают со кротостью для того, что от наказаний в сердце их вселяется ожесточение...» Взято из Монтескье, книги VI, главы 13, озаглавленной «Безсилие японских законов».

1768 г. был привлечен к работе по разбору бумаг Петра I, а также был одним из первых историков, получивших доступ к архивным документам. Эти материалы легли в основу его «Истории Российской от древнейших времен» (1770–1791), вышедшей в 7 томах и 15 книгах, где повествование доводится до 1610 г. Опубликовал многочисленные исторические документы: «Журнал или Поденная записка Петра Великого» (1770–1772), «Летопись о многих мятежах» (1771), «Царственный летописец» (1772) и др. Автор политических, философских и экономических трактатов и эссе. В 1773 г. Щербатов работает над «Замечаниями на Большой Наказ Екатерины», где проводит сопоставление между отдельными статьями «Наказа» и соответствующими местами «Духа законов» Монтескье, дополняя анализ собственными замечаниями по наиболее спорным вопросам. Так, «Замечания» являются самой ранней попыткой исследования источников «Наказа», хотя и ограниченное анализом заимствований из одного лишь «Духа законов», тогда как другие источники оставлены Щербатовым без внимания. «Замечания» были впервые опубликованы в 1935 г. профессором П.Г. Любомировым (Щербатов, М.М. Неизданные сочинения. М., 1935).

М. М. Щербатов

Замечания Щербатова на Большой Наказ Екатерины

Печатается в сокращении по: Щербатов, М.М. Замечания Щербатова на Большой Наказ Екатерины // Неизданные сочинения. М., 1935. С. 16–63.

¹ Церковный раскол в Русской православной церкви, связанный с реформами патриарха Никона, проводимыми в 1653–1656 гг. и направленными на изменение богослужебных обычаев в целях их унификации с греческими. В результате раскола часть верующих, не признавших церковных реформ, отделилась от официальной церкви, получив впоследствии название «старообрядцы».

² *Стрельцы* — первое постоянное войско в России, учрежденное Иваном Грозным в 1550 г. Представляли собой привилегированное сухопутное войско, в мирное время имели дозволение заниматься торговлей и ремеслом. После стрелецкого бунта 1698 г. были постепенно упразднены к 20-м гг. XVIII в. Петром I.

³ *Опричники* — служилые дворяне из числа особо приближенных к государю в правление Ивана Грозного. Находились в прямом подчинении у государя, по сути, являясь его личной гвардией, и имели неограниченные права. Существовали с 1565 по 1572 гг.

⁴ Имеются в виду русско-польская (1654–1657) и русско-шведская (1656–1658) войны, на фоне которых царь Алексей Михайлович предпринимает попытки реорганизации русской армии. В ходе реформы были созданы

полки нового строя — рейтарские, солдатские, драгунские и гусарский, которые составили костяк новой армии.

⁵ *Ровоам* — сын Израильского царя Соломона, основатель Иудейского царства. Унаследовав престол, отказался, следуя совету своих друзей, облегчить лежащее на народе бремя повинностей, установленное его отцом, чем вызвал недовольство своих подданных. В результате восстания на стороне Ровоама осталась лишь часть народа, другая же часть отделилась и основала новое Израильское царство. Так, единое государство разделилось на два, и во всё время царствования Ровоама между ними шла непрерывная война.

⁶ *Жан-Жак Руссо* (1712–1778) — французский философ и писатель эпохи Просвещения. Автор политических трактатов, среди которых наиболее влиятельны «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) и особенно «Об общественном договоре» (1762), где Руссо обосновывает принцип суверенитета народа. Народ у Руссо выступает держателем абсолютной и неделимой власти в государстве. Такое государство народного суверенитета образовано в результате договора ассоциации, следовательно, его законы являются воплощением общей воли народа. Также разрабатывал педагогические идеи, изложенные преимущественно в трактате «Эмиль, или О воспитании» (1762). Считается главой европейского сентиментализма, образцом которого является роман «Юлия, или Новая Элоиза» (1761).

⁷ «Генеральный регламент, или Устав» — законодательный акт, введенный Петром I с целью регламентации деятельности государственных служб. Регламент определял устройство и порядок делопроизводства во всех государственных учреждениях Российской империи: внутренний распорядок учреждений, обязанности и иерархию служащих, порядок учета и хранения государственных бумаг и т.д. Был подписан 28 февраля (10 марта) 1720 г. и оставался основным нормативным актом на протяжении XVIII–XIX вв.

⁸ *Долгорукий Яков Федорович* (1639–1720) — российский государственный деятель, ближайший сподвижник Петра I. Участвовал во всех военных начинаниях Петра I, в том числе в обоих Азовских походах 1695–1696 гг., за что был пожалован в ближние бояре. В разные годы возглавлял Московский Судный приказ, Военный приказ, Главный комиссариат, Ревизион-коллегию, с 1712 г. представлял в Сенате, где занимал одно из первых мест. Приобрел всеобщую известность как строгий и неподкупный государственный деятель, всегда руководствовавшийся принципом государственной пользы и потому пользовавшийся исключительным уважением и доверием Петра I. По отзывам современников, Долгорукий неоднократно вступал в спор с царем относительно целесообразности тех или иных его распоряжений, добивался отмены или пересмотра указов.

⁹ «Обряд управления Комиссии о сочинении проекта Нового уложения» — документ, регулирующий порядок работы Уложенной комиссии 1767 г., в частности порядок избрания предводителя Комиссии и учреждения частных комиссий для рассмотрения по частям тех предметов, которые

должны были войти в проект Нового уложения. Был издан Екатериной II вместе с «Наказом».

¹⁰ Братья Сергей и Михаил *Пушкины*, сыновья тайного советника графа Алексея Михайловича Пушкина, были изобличены в изготовлении фальшивых ассигнаций. В 1772 г. указом Правительствующего сената были приговорены к смертной казни. Екатерина II смягчила приговор, предписав лишить обоих братьев чинов и дворянства и заменить смертную казнь для Сергея — пожизненным заключением, для Михаила — ссылкой. Сергей умер в Соловецком монастыре, Михаил — в Тобольске. Екатериной II было предписано также впредь именовать их только «бывшими Пушкиными».

¹¹ Имеется в виду наиболее значительная работа французского философа-просветителя Поля Анри Гольбаха (1723–1789) «Система природы, или О законах мира физического и мира духовного» (1770). В этой работе Гольбах систематизировал материалистические и атеистические идеи эпохи Просвещения. «Система природы», являвшая собой, по определению современников, «библию материализма», была в числе других сочинений Гольбаха включена в Индекс запрещенных книг.

¹² *Ликург* — легендарный спартанский государственный деятель, живший предположительно в IX–VIII вв. до н.э. Греческая традиция возводит к нему начало общественно-политического устройства, которое будет господствовать в Спарте на протяжении нескольких веков. В частности, ему приписывается учреждение совета старейшин (герусии), народного собрания (апеллы), введение общественных трапез, обязательной военной службы, суровой дисциплины в воспитании юношества, мер против роскоши и пр.

¹³ *Карл I (Charles I)* (1600–1649) — король Англии (с 1625 г.) из династии Стюартов. Жесткая политика, направленная на укрепление абсолютной королевской власти с опорой на единую Англиканскую церковь, привела к гражданской войне и революции, в результате которой Карл I был казнен.

¹⁴ *Генрих IV (Henri IV)* (1553–1610) — король Наварры (с 1572 г.) и Франции (с 1589 г.), основатель французской королевской династии Бурбонов. Проводил политику, направленную на прекращение религиозных противостояний между католиками и протестантами. В 1598 г. подписал Нантский эдикт, даровавший свободу вероисповедания протестантам и положивший конец религиозным войнам. Был убит католическим фанатиком Ф. Равальком.

Л. Н. Толстой

<О «Наказе» Екатерины и «Духе законов» Монтескье>
<Фрагмент из «Дневника. 1847–1854» >

Печатается по: Толстой, Л. Н. Дневник. // Полн. собр. соч. Т. 46. — М., 1937. — С. 4–28, 318–320.